

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ

LANGUAGE AND IDENTITY

УДК 81'33

DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-97-117

УСТНАЯ РЕЧЬ КАК МАРКЕР КВЕБЕКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Лина В. Разумова Российский государственный гуманитарный университет,
Российская ФедерацияНадежда И. Кряжева 

Университет Клермон Овернь, Франция

Устная речь выступает важным элементом в изучении и описании франкофонных культур и литератур. Она нередко является отправной точкой в размышлениях об их специфике. Культуры северной и южной франкофонии содержат особое языковое наследие и особый исторический контекст функционирования устной речи. В условиях поликультурности, полиязычия и колониального доминирования она выступает как важнейший маркер национальной идентичности. Вместе с тем устная речь предстает и как некая универсалия, знаменующая собой начало развития любой литературы. Квебекская поэзия последней трети XX в. – явление многоплановое. Она и носитель важных инноваций, отражающих основные тенденции и литературные темы, характерные для каждой эпохи, и специфическое выражение квебекской традиции. Последняя может быть рассмотрена как явление коллективное, вписывающееся в квебекскую поэтическую традицию через социокультурные доминанты и устный характер представления, одновременно являясь своеобразной звуковой и визуальной антологией для современной квебекской поэзии, позволяя отразить творчество значительного числа поэтов. В рамках статьи особое внимание будет уделено вопросу анализа поэзии как формы устного наследия и средства социокультурной и языковой идентификации.

Ключевые слова: устная речь, квебекская устная традиция, типы устной речи, поэзия, устное наследие, социокультурная и языковая идентичность

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Л.В. Разумова, Н.И. Кряжева, 2024

ORAL SPEECH AS A MARKER OF QUEBEC IDENTITY

Lina V. Razumova 

Russian State University for the Humanities, Russian Federation

Nadia I. Kriajeva 

University of Auvergne, France

Oral speech is an important element in the study and description of Francophone cultures and literatures. It is often the starting point in thinking about their specificity. The cultures of northern and southern Francophonie contain a special linguistic heritage and a special historical context of oral speech functioning. In conditions of multiculturalism, multilingualism and colonial domination, it acts as the most important marker of national identity. At the same time, oral speech also appears as a kind of universal, marking the starting point for the development of any literature. Quebec poetry of the last

third of the 20th century is a multifaceted phenomenon. It is the bearer of important innovations, reflecting the main trends and literary themes characteristic of each era. At the same time, Quebec poetry of the specified period of the 20th century also acts as an expression of a specifically Quebec tradition. The latter can be considered as a collective phenomenon, fitting into the Quebec poetic tradition with its sociocultural dominants, the oral nature of the presentation, as a kind of sound and visual anthology of modern Quebec poetry. It also allows us to reflect the work of a significant number of poets. Within the framework of the article, special attention will be paid to the issue of analyzing Quebec poetry as a form of oral heritage and a means of sociocultural and linguistic identification.

Keywords: *oral speech, Quebec oral tradition, types of oral speech, poetry, oral heritage, sociocultural and linguistic identity*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© *Lina V. Razumova, Nadia I. Kriajeva, 2024*

1. Введение

Литература многих франкофонных стран отличается от литературы Франции своей ориентированностью на устный характер речи. Концепт *oralité* (устность) предстает одним из важнейших для многих стран франкофонии и призван подчеркнуть их языковую самобытность в данной области. Он позволяет раскрыть конкретные речевые практики ряда франкофонных ареалов и показать их отличие от существующих во Франции, которая исторически и в силу литературных и институциональных традиций, признавала непоколебимый приоритет письменной речи, придавая ей почти исключительное значение. В иных ареалах устность приобретает особое символическое значение, она выступает маркером самобытности в процессе коммуникации с бывшей метрополией, склонной вольно или невольно «навязывать» свой языковой стандарт через свое языковое присутствие и влияние, в том числе и в области литературы [Разумова и др., 2010].

Отметим, что с развитием новых технологий устность повсеместно возвращается в наши современные культуры, тиражируя и распространяя себя с новой силой посредством современных коммуникационных и информационных технологий.

Поль Зюмтор, посвятивший значительную часть своих работ функционированию устной речи в западных обществах, говорит о ее четырех типах.

Первичная устная речь (*oralité primaire ou pure*) свойственна дописьменным обществам. Исследователь считает, что данный тип устной речи больше не существует; все современные культуры без исключения имеют, так или иначе, отношение к письму.

Смешанная устная речь (*oralité mixte*) существует в культурах, обладающих письменностью, однако влияние последней не является определяющим. Встречается в странах, где широко распространена неграмотность.

Вторичная устная речь (oralité seconde), или устная речь, основанная на письменной. Характерна для среды грамотных людей, где любое устное высказывание отмечено культурой письменности.

Технически опосредованная устная речь, которая через средства звукозаписи, широко распространенные в современных обществах, предстает не как сиюминутная звучащая речь, а как «отложенная во времени».

П. Зюмтор справедливо считает, что выделенные им типы не являются непроницаемыми, некоторые культуры легко переходят от одной ее формы к другой. При этом в рамках одной культуры могут успешно сосуществовать и взаимодействовать разные ее типы [Zumthor, 1983].

Концепт устной речи может рассматриваться в нескольких аспектах и прежде всего, с этнолого-культурологической точки зрения, так как каждая культура имеет свое особое отношение к устной речи, наделяя ее определенными функциями и значением. Рассматриваемая как модальность коммуникации устность соответствует определенному способу передачи и распространения информации (текста). Этот ракурс анализа устной речи необходим для понимания специфики тех культур, для которых письменная коммуникация, в отличие от европейских культур, менее значима.

Литературная традиция многих франкофонных культур основывается на устных текстах, устной форме коммуникации. Письменные формы, привязанные к официальным сферам общения и институтам власти, тяготеющие к экзогенному языковому стандарту, чаще всего игнорируются языковым сообществом, вызывают критику и (или) отвергаются. Это характерно, например, для Антильских островов Франции, жители которых стремятся не только дистанцироваться от языковых форм метрополии, но и подчеркнуть уникальность своего языкового кода [Beniamino et al., 2005: 142].

Связь, которую французский исследователь Мишель Беньямино устанавливает между устной речью и понятием «контркультуры», или местной культуры, представляется уместной, когда речь идет о франкоязычных литературах. Так, он отмечает, что устная речь понимается в рамках данных культур как своеобразное сопротивление колониальным ценностям, становясь основной формой выражения идентичности, проявлением культурой другого, его гласом. Устность – естественная форма существования и выражения местных культур и их современной литературы [Ibid.: 141–143].

Все эти литературы, воспринимаемые в недавнем прошлом как маргинальные, периферийные или второстепенные, объединяет осознание их особенного характера, несводимого лишь к констатации специфики их языковых кодов (как в случае с креольскими культурами). Уникальность франкоязычных культур, и, в частности, квебекской, в которой

стандартный язык не так четко дифференцирован по отношению к французскому языку Франции, утверждается через их устную форму речи. В таких культурах именно выраженная приверженность к устности определяет во многом и направление развития их литератур.

2. Устная речь в Квебеке как элемент изобретения традиции

Устность речи является важнейшим элементом, определяющим специфику квебекского варианта французского языка. Она объемлет социальную, культурную и литературную традиции этой канадской провинции и оказывает существенное влияние на ее дальнейшее развитие.

Известно, что языковая унификация в Новой Франции осуществлялась через устную коммуникацию – на слух, так как первые поселенцы были в большинстве своем неграмотными [Barbaud, 1974]. Представляется, что важность устной речи в Канаде можно сравнить с той, которую Европа знала с самых ранних времен своей истории. Устная форма коммуникации французских колонистов была ведущей в процессе их взаимодействия как между собой, так и с местным индейским населением. Большая часть поселенцев в устном общении пользовалась диалектными разновидностями французского языка, ввезенными из Нормандии, Пуату, Анжу, Иль-де-Франс и др. Колонисты, прибывавшие из Парижа и Иль-де-Франс, владели речью, близкой к основам языкового варианта, ставшего впоследствии нормативным для Франции. В административном делопроизводстве владевшие грамотой чиновники, а также и священники пользовались его письменной формой. Сохранившиеся материальные свидетельства этого периода представлены в основном письмами и отчетами управляющих колонией или священнослужителей [Клоков, 2005: 11–18]. Однако ввиду их малочисленности (около 8 % от общего числа населения) можно с уверенностью утверждать, что ведущей формой коммуникации до открытия различных типов школ в конце XVIII – начале XIX в. оставалась устная, используемая также как основная в процессе общения с местным индейским населением, принадлежавшим к обществам, для которых устная речь являлась исключительным средством взаимодействия.

Устная речь, несомненно, выступает и основным способом распространения литературы в Новой Франции на протяжении нескольких столетий [Andrès, 2007]. Таково, например, песенное творчество, представляющее собой переложение на известные мелодии текстов, повествующих об актуальных событиях. Эта прямая отсылка к народному устному наследию вполне ассоциируется с посиделками, во время которых исполнитель рассказывает своим слушателям о событиях повседневной жизни, иногда в сопровождении музыки (скрипка и губная гармошка – основные инструменты канадского фольклора). Многие песни, сказки и рассказы первых поселенцев были заимствованы из европейского устного творчества. В то же время

вариантность бытования оригинальных текстов на территории самой Франции, редкость их письменной фиксации, и в особенности географическая удаленность колонии, ее развитие в изоляции способствовали постепенному изменению и утверждению своих, собственно-канадских черт устного творчества.

С открытием школ и основанием в XVIII в. ряда газет (*Gazette de Québec*, *Gazette de Montréal*), обретших небывалую популярность среди населения, чтение все шире практикуется в квебекском обществе. В прессе часто публикуют собранный этнографический материал: во второй половине XIX в. на ее страницах появилось более 1000 обработанных литературных сказок, легенд, песен [Nare, 1971]. Газеты читались вслух, их содержание пересказывали и обсуждали. Иными словами, распространение всякой информации осуществлялось, главным образом, в устной форме.

Конфронтация с английскими властями (*Rébellion des Patriotes*, 1837–1838), в условиях которой оказались франкоканадцы в 30-е годы XIX в., остро поставила вопрос об определении их национальной идентичности [Bouchard, 1971]. Невыраженность собственной национальной идеи, недолгое по историческим меркам пребывание французов на американском континенте, отсутствие своей «национальной» франкоканадской литературы и собственных моделей ее создания существенно усложняли процесс самоидентификации.

В письме аббату Касгрёну от 29 января 1867 г. Октав Кремази делится своими мыслями о том, почему канадской литературе трудно стать национальной литературой, указывая прямо на «языковой вопрос»: «Чем больше я размышляю о судьбах канадской литературы, тем меньше нахожу у нее шансов оставить след в истории. Чего не хватает Канаде, так это наличия собственного языка. Если бы мы говорили на ирокезском или гуронском языках, наша литература жила бы. К сожалению, мы говорим и пишем, правда довольно жалким образом, на языке Боссюэ и Расина. И поэтому, что бы мы ни говорили и что бы мы ни делали, в литературе мы всегда будем простой колонией, и даже если Канада станет независимой страной и ее флаг будет сиять под солнцем наций, мы все равно останемся простыми литературными переселенцами» [Gauvin, 2000: 2]

Высказывание Кремази хорошо описывает ощущаемый уже в XIX в. кризис идентичности, а также чувство некоторой культурной раздвоенности, амбивалентности франкоканадцев. Отметим, что и сегодня перечисленные факторы остаются центральными для понимания литературного процесса в этой провинции Канады, который характеризуется, с одной стороны, стремлением к созданию своей собственной национальной литературы, с другой – желанием сохранить языковую связь с франкофонным миром, не отказываясь при этом от своей языковой специфики.

Подавление патриотического движения 1830-х годов положило конец попытке создания франкоканадской идеи, основанной на республиканских принципах и ценностях. В 40-е годы XIX столетия республиканская идея уступила место культурологической идее «франкоканадской нации (национальности, расы)», основанной на вере и языке [Bouchard, 1971]. Определение понятий народа (peuple) и народной культуры (culture populaire) также вызывало большие сложности в обществе просвещенных франкоканадцев (lettrés canadiens), с одной стороны, констатировавших явную «испорченность» народного языка англицизмами, а с другой – осознававших необходимость бережного к нему отношения. Именно народный язык в его устности, расценивался ими как истинное свидетельство историчности пребывания французов в Канаде, как единственная форма языка, способная выразить их культурную идентичность и питать идею национальной франкоканадской литературы в целом. Именно такого мнения придерживался Анри-Раймон Касгрэн (Casgrain, Henri-Raymond) и другие авторы середины XIX в., желавшие стать представителями народа, «писать под диктовку народа» (écrire sous la dictée du peuple) [Casgrain, 1866: 26].

С середины XIX в. канадские интеллектуалы организуют многочисленные выезды в сельскую местность. Они хотят ознакомиться с жизненной средой простого народа и описать ее. Это было время освоения новых пространств в бассейне реки Святого Лаврентия и расширения квебекской ойкумены, которое способствовало появлению многочисленных дневников и заметок о путешествиях по осваиваемым территориям. К ним относятся, например, заметки Касгрэна о поездках в регион Сангенэ (1851), рассказы Плесси о его пребывании в 1865 г. в устье реки Святого Лаврентия, описания Гаспези, сделанные Ферланом в 1877 г., и мн. др. [Beaudoin, 1989]. Путевые дневники и заметки имеют много общего: написанные в идиллическом ключе, они представляют собой описания величественных пейзажей (напоминающих Францию и регулярно сравниваемых с нею) или картины тихой, размеренной крестьянской жизни, свободного труда лесорубов, исконных французских традиций, радостных повседневных забот. Авторы интересуются бытом и досугом крестьян и лесорубов, встречающих гостей и путешественников с истинно французским радушием. Несмотря на довольно условный, порой лубочный характер этих произведений, именно они способствовали зарождению *Литературного движения Квебека* (Mouvement littéraire de Québec), призванного дать импульс сбору оригинальных франкоканадских текстов: легенд, сказок, стихотворений, записок о путешествиях, исторических описаний и пр. («accueillir toute espèce d'écrit original, pourvu qu'il soit canadien: légendes, poésies, études de mœurs, romans, impressions de voyage, esquisses historiques, biographiques, topographiques, etc.») [Ibid.: 76].



Касгрэн, Таше, Кремази, Ларю, Ферлан, Бурасса и многие другие известные впоследствии франкоканадские писатели приняли активнейшее участие в этом литературном движении. Его итогом стало появление в разные годы многотомных литературных сборников: *Soirées canadiennes* (1861–1865), *Foyer canadien* (1863–1866), *Nouvelles soirées canadiennes* (1882), а также основание литературных газет и журналов: *Le Courrier du Canada*, *Le Canadien*, *La Revue canadienne*, *Le Répertoire national*, *Le Littérateur canadien* и др. Так, монреальский журнал *La Revue canadienne* (с 1864 по 1922) регулярно публиковал песни, сказки, сказания, легенды, записи устной речи крестьян. Благодаря письменной фиксации и определенной литературной обработке они получали право на существование. Литературное движение подхватывается во всех населенных пунктах бассейна реки Святого Лаврентия, оно процветает в городах Квебек и Монреаль. Появляется значительное количество работ (более 200 статей, словарей, учебников) о речи франкоканадцев, принадлежавшие перу светских и церковных интеллектуалов. Осуждая употребление просторечных и диалектных слов, большинство авторов сетуют на быстроту процесса англизации, призывают ему препятствовать. Авторы обычно подчеркивают аутентичный характер собранных материалов, однако следует отметить, что интеллектуальная квебекская элита XIX в. стремилась конструировать свое собственное видение народной культуры через «очищение» ее от несущественного, неэстетического, желая таким образом оставить последующим поколениям франкоканадцев «только прекрасные образцы литературы», прославить добродетели предков, сформировать у франкоканадцев положительное представление о своей собственной истории (*histoire nationale, locale*), не входящее в противоречие ни с всеобщим характером французской культуры, ни с местными особенностями квебекской. Жозеф-Шарль Таше отмечал в 1930 г., что национальный язык франкоканадцев должен стать эхом добротнейшей («здоровой») французской литературы прошлого, но при этом эхом, «звучащим в наших горах, на берегах наших озер и рек, в таинственных глубинах наших великих лесов» [Taché, 1930: 28, 29]. Поэтому именно реальная народная культура и реальный народный язык в их своеобразии и разнообразии призваны служить почвой для появления национальных идей.

Таким образом, национальная идентичность франкофонов Канады связывается в этот период интеллектуальной элитой Квебека с народной культурой, устной речью, сельским миром и частной сферой жизни человека, так как город и индустриализация скорее способствуют ее стиранию. Этот подход прочно утверждается во франкоканадской литературе в конце XIX – начале XX в. Он способствует появлению одного из первых направлений в литературе Квебека – регионализма [Lemire, 2007].

Несмотря на то что литература в Квебеке, основанная на культуре устной речи, во многом отлична от аналогичной литературы, распространенной в других франкофонных регионах мира, включенность повествования в повседневный контекст жизни человека делает сопоставимыми некоторые их жанры устного творчества (в частности, сопоставим жанр посиделок лесорубов в Квебеке и охотников в Африке).

Вместе с тем устная культура Квебека построена не только на событиях и обрядах частной сферы жизни человека. Она отчасти вбирает в себя и некоторые публичные формы коммуникации, например в рамках литературных салонов. Последние довольно регулярно проводились в Квебеке в XIX в. В этом отношении Квебек, несомненно, в большей степени, чем ряд других франкофонных культур, основанных на устной традиции, поддерживает более прочную связь с письменностью. Письменная форма всегда существовала как средство коммуникации (пусть и не всегда широко распространенное), что и определило отсутствие резкого разрыва между устной и письменной практикой в области литературного творчества.

Подчеркнем, что Литературное движение Квебека второй половины XIX в. способствовало постепенному становлению квебекской национальной идеи, основанной на понятиях территориальной закреплённости и историчности франкоканадского сообщества, народности его культуры и языка.

3. Устная речь в период Тихой революции

Термином «Тихая революция» принято обозначать политический поворотный момент и период великих реформ с 1959 по 1970 г., которые коренным образом изменили Квебек.

Тихая революция – это центральное событие в новейшей истории Квебека как в политическом, социальном и идеологическом, так и в литературном и культурном планах.

Именно в этот период, слово «квебекский» заменяет «франкоканадский», тем самым обозначая Квебек как некий особый франкоязычный регион Канады. Вклад Тихой революции в историю Квебека часто рассматривается как беспрецедентный прорыв, который поставил под сомнение все, что происходило раньше. Таково, например, отношение к Тихой революции Марка-Абеяра Трамбле, который утверждает, что «франкоязычные жители Квебека бросили вызов ценностям, существовавшим более века, еще не успев изобрести ничего взамен. Они по крупицам отказывались от старых черт своей культурной самобытности, не усвоив в полной мере те, которые стали бы им полноценной заменой» [Tremblay, 1983].

Такой подход, опирающийся на идею полного разрыва с прошлым, требует, однако, определенного уточнения. Представляется более справедливым утверждение политолога Леона Диона, что истоки Тихой революции нужно искать гораздо раньше и что национальный вопрос



никогда не встал бы на повестку дня, не будь он результатом гораздо более давних событий. По его мнению, неверное толкование значения Тихой революции равносильно разрыву с прошлым, с коллективной памятью народа и его идентичностью [Dion, 1998].

Отметим в связи с этим, что социально-эстетический манифест *Движения всеобщего отказа* (Refus global) уже сразу после Второй мировой войны (1948) заложил основы многих идей, подхваченных впоследствии во время Тихой революции. Социально-эстетические, литературные и языковые новации, выдвинутые представителями этого движения, уже тогда сопровождались требованием социально-политических реформ. Именно в писательской среде впервые осознается «неполноценное», «покорное» и «дискриминируемое» положение франкоязычного населения Квебека [Gagnon, 1977: 10–12].

В политическом плане Тихая революция проявляется в требовании социального равенства для франкофонов Квебека, усиления социальной значимости французского языка в канадском обществе. Речь идет не только о защите интересов провинции Квебек перед лицом федерального правительства, но и о создании более благоприятного климата для свободы выражения мнений и определенной модернизации идей параллельно с экономической модернизацией и урбанизацией. Довоенный национализм претерпевает некоторую трансформацию. Если национализм в том виде, в каком его представляло правительство М. Дюплесси, был связан с традиционными и религиозными ценностями, патриархальным сельским укладом жизни, то национализм, отстаиваемый участниками Тихой революции, проявлялся через своеобразную форму социализма, в смысле государства всеобщего благосостояния и включения Квебека в городской контекст.

В период Тихой революции, способствовавшей большему утверждению национального чувства, литература становится чрезвычайно востребованной. Именно в литературной среде идет активный поиск языковых средств выражения, лучше учитывающих особенности устной речи Квебека и, следовательно, позволяющих говорящим лучше выразить себя на «своем» языке [Gauvin, 2000].

В дальнейшем устная речь начинает выступать как средство эмансипации квебекской литературы от французской в области формы и тематического содержания. В связи с этим устная речь все более уверенно и сама становится литературной темой, мотивом и осознанным идеологическим и эстетическим выбором многих квебекских писателей.

4. Тихая революция: устная речь как идеологический и эстетический выбор

4.1. Революция в литературном мире

Тихая революция ознаменовала появление новой национальной идеи, существенно изменившей отношение большинства интеллектуалов того времени к ценностям прошлых поколений.

В 1950–1960-е годы известный квебекский поэт и писатель Гастон Мирон закладывает основы новой литературной эстетики, отличной от прежней ее включенностью в реальную жизнь. Это время соединения разнородных, казалось, до этого тем: литературного творчества и социально-политической ангажированности писателя, сартровского экзистенциализма и его продолжения в антиколониальной борьбе, отсылающие к недавнему движению Сопrotивления и политическим вопросам середины XX в. Это невероятное соединение социального факта и его литературного осмысления способствовало появлению в квебекской литературе, а точнее в поэзии 1950–1960-х годов, гражданской ангажированности, политической сопричастности, которых не было прежде. Само творчество Гастона Мирона и многих его молодых коллег, сотрудничавших в квебекском литературном объединении «Hexagone», является примером соединения особого лиризма и эстетики политической причастности к социальным проблемам того времени, центральным историческим событием которого, безусловно, выступает Тихая революция [Viron et al., 2010].

Широта антиколониального движения середины XX в. способствовала усвоению литературой Квебека колониальной тематики. Квебек ассоциировал себя с другими франкоязычными регионами, для которых это время – время антиколониального движения и утверждения их национальной идентичности. Колониальная проблематика постепенно распространяется на всю литературу провинции Квебек. Большая часть произведений, опубликованных в период Тихой революции, свидетельствует об этом. Так, темы «негритюд» и языкового раздвоения и отчуждения становятся центральными в литературе Квебека. Укажем лишь на две значительные работы, написанные в русле данной тематики. Прежде всего, это эссе Пьера Вальера «Белые негры Америки» [Vallièrès, 1968], в котором автор впервые затрагивает тему «негритюд» в квебекском обществе. Фраза, первоначально обозначавшая чернокожих американцев, которые плохо владели английским языком, стала затем применяться и к франкоязычному канадскому населению. Хотя работа была опубликована в конце Тихой революции (1968), она суммирует весь революционный накал, который переживали тогда интеллектуалы Квебека.

Эта тема быстро подхватывается и другими авторами. В том же году, во время гастролей участников поэтического спектакля «Стихи и песни сопротивления» Мишель Лалонд

представляет публике свое знаменитое стихотворение «Speak White», ставшее своеобразным манифестом Тихой революции [Biron et al., 2010]. В стихотворении подробно представляется понятие «негритюд» применительно к квебекскому обществу: говорить, как «белый» – значит говорить на языке хозяина, т.е. на английском. По мнению поэтессы, французский язык воспринимается в квебекском обществе англофонной правящей элитой как язык поработенного народа, язык грубый, на котором говорят лишь сельские жители [Lalonde, 1974]. В этой ситуации франкофоны Квебека ощущали себя лишенными своих языковых средств выражения, своего языка. Для многих авторов и политических лидеров языковое строительство превращается в первостепенную социальную, политическую и лингвистическую задачу, которую необходимо решить для восстановления языковых прав франкофонов. В этот период квебекское общество начинает чувствовать необходимость представить себя по-новому.

Языковой вопрос и стремление к автономии языка и литературы почти естественным образом заставляет писателей искать в языке средства, способные выделить и подчеркнуть квебекскую специфику французского языка. Эта попытка языковой эмансипации сопровождается желанием предложить квебекскому обществу новые культурные модели как альтернативу традиционалистской концепции литературы.

4.2. Жуаль как маркер кризиса идентичности

Именно эти эстетические задачи решаются в 1968 г. в пьесе Мишеля Трамбле «Невестки», пьесе, впервые представившей феномен *жуаль* в литературе [Tramblay, 1970]. Персонажи пьесы Трамбле – типичные представители рабочих кварталов Монреаля. Мы знакомимся с группой соседок, которые «своим языком» рассказывают читателю о нелегкой жизни, повседневных заботах, мелких ссорах и пр. Эти персонажи дают довольно точное представление об обществе, далеком от литературных идиллических клише первой половины XX в. Они используют другой французский язык, лишенный красоты и музыкальности звучания, испорченный многочисленными заимствованиями из английского языка, диалектизмами, обценной лексикой. Новаторство театра Трамбле основано, прежде всего, на выборе языковых средств, окончательно расходящихся с теми, которые можно найти в произведениях первой половины XX в., использовавших литературный язык Франции. Именно благодаря выбору темы и места действия, а также языковых средств, Трамбле внедряет ряд инноваций: городское общество и его язык используется для визуального представления социальной реальности, практически исключенной до того времени из литературного описания. Этот же язык используется не только как некая форма самовыражения персонажей, но описывает языковое отчуждение, которое испытывают главные персонажи пьесы.

В серии полемических статей Гастон Мирон указывает на двойственный характер, которым определяется устная речь Квебека. Поэт отвергает термин «жуаль», который, по его мнению, не охватывает всех особенностей квебекского варианта французского языка. Он также указывает на характер двуязычия, который, по его мнению, приводит не только к ситуации диглоссии, но и к настоящей колонизации местной формы языка; она все больше лишается своей независимости, постоянно калькируя английский язык [Miron, 1996; 1999].

В романе Ива Бошмена «Enfîouaré» на жуале написаны только диалоги персонажей [Beauchemin, 1974]. Автор устанавливает таким образом определенную дистанцию между языком повествования и языком персонажей. Первое издание романа сопровождается небольшим глоссарием «для французов Франции». Этот небольшой глоссарий исчезает в следующих изданиях, и автор представляет «французскую» версию своего романа, показывая тем самым, что использование жуаля здесь довольно условно и призвано решать лишь ряд эстетических задач.

Язык персонажей Жака Рено в сборнике рассказов «Le cassé» передается при помощи несобственной прямой речи [Renaud, 1978]. Такая модальность повествования оставляет определенный «зазор» между языком повествования (языком автора) и диалогической речью персонажей. Разговорный язык вводится автором в текст не более как некий способ передачи и соответствия мышлению персонажей, а не как язык повествования.

Обособленное место в литературе, использующей жуаль, занимает сборник стихов Жеральда Годена «Les Cantouques» [Godin, 1971]. Это одно из немногих литературных произведений, в котором поэт не предлагает никакого разграничения между языком повествования и языком персонажей, смешивая различные голоса.

Как отмечают многие авторы, жуаль в литературных произведениях этого периода не является и не может стать полноценным языком. Он в значительной степени выступает как обработанная и стилизованная языковая форма [Dragnat, 2006]. Это скорее стремление передать отдельные речевые практики франкофонов Квебека, нежели реальный язык. Таким образом, в большинстве указанных произведений, жуаль выступает одновременно и как литературная стилизация, и как широкое социальное движение, призывающее писателей и читателей освободиться от комплекса языковой неуверенности. Лиз Говэн описывает этот языковой и социальный феномен следующим образом: «Язык становится <...> социальным феноменом и стигматом. Поэты и писатели произвольно используют этот “униженный язык”, называемый “жуаль”, на котором говорят рабочие <...> Речь больше не идет о привлечении внимания “Старого Света”, но о создании необходимых условий для рождения собственной литературы» [Gauvin, 2000: 134].

Хотя разговоры о жуале продолжаются и в настоящее время, понятие «жуаль» в значительной степени устарело, и сегодня оно имеет четкую временную соотнесенность и привязанность к периоду Тихой революции, т.к. языковой и литературный опыт, связанный с этим концептом, соответствует идеологии, которую она сформировала. Революционная эпоха показала, что жуаль не может быть отдельным языком ни в повседневной жизни, ни в литературе, а является символом литературной и языковой эмансипации, констатацией социального неравенства, основанного на языковом неравенстве. Этот «язык», который остро ставит вопрос об идентичности квебекцев, выражает и описывает ее отчужденное измерение. Выступая как своеобразный символ, жуаль объединяет в себе все языковые различия, не определяя и не уточняя их. Он является также и инструментом осуждения «испорченной» разговорной речи франкофонов Квебека. Именно это двойное измерение выражено в литературных произведениях многих авторов этого периода. Вызвавший многочисленные споры в литературной среде Квебека, жуаль хорошо отражает все формы присутствия языковой проблемы в общественном пространстве провинции и сложность поиска собственного «языка» в литературе.

Кризис идентичности франкофонов Квебека, их социальный и языковой комплексы, осуждение своего «порабощенного языка» – вот те вопросы, которые квебекский французский иллюстрирует в литературе при помощи жуаля в 60-70 годы XX столетия.

5. Возрождение поэтических форм

5.1. Об устности поэтических средств

Миф о собственном «языке» остается живучим на всех этапах формирования квебекской национальной идентичности и квебекской литературы и становится центральным в 1960-е годы.

Другой важный вопрос, который встает перед исследователем, может быть сформулирован следующим образом: насколько поэтический жанр способен передать свойства устной речи квебекцев?

Укажем, что ориентация литературы на письмо, письменные формы речи является вторичной по отношению к устной речи, выступающей как первичная.

Художественно-речевые средства разнообразны и многоплановы и могут легко впитать в себя разные нехудожественные формы речи: лексику общеупотребительную, просторечную, общенную, новообразования, заимствования, вульгаризмы, – допуская отклонения от языковой нормы.

Поэзия во многих отношениях – промежуточный литературный жанр, соединяющий звуковые свойства конкретного языка и письменную речь. Она обращена, прежде всего, к

слуховому восприятию и воображению слушателя-читателя. Подчеркивая сращение смысла слов с их звуковой формой, С.Н. Булгаков утверждает, что «без звукового тела нет слова» [Булгаков, 2008]. Слово рождается, по мнению В.В. Вейдле, из органической связи звучания, интонации, ритма и его «банального смысла» [Вейдле, 2002].

Помимо акустико-фонетического большое значение имеет и интонационно-голосовой аспект художественной речи, который придает ей более реальный, «сиюминутный» характер. Если в прозе очень часто проводится четкое различие между рассказчиком и персонажами, то поэзия, со своей стороны, приводит к смешению и объединению разных голосов, к *разноречию*. При этом художественно значимым нередко оказывается слово неавторское, чужое. Указывая на преобладание разноречия и чужого слова в художественной речи Чарльза Диккенса, Михаил Бахтин отмечает, что чужая речь, рассказанная и показанная в определенном освещении, нигде четко не отграничена от авторской речи [Бахтин, 1979].

Разноречие и неавторское слово активно используются в квебекской поэзии XX столетия: их разные формы активно сопологаются и свободно взаимодействуют, передавая языковой опыт едва ли не всех общественных слоев и групп, разрушая границы разных социолектов, свободно включая как нормированные языковые средства (учитывающие языковой стандарт Франции), так и просторечные элементы, не иерархируя, а примиряя их.

Исследование поэтического жанра в Квебеке интересно тем, что соединяет в себе не только письменный текст и устную речь, с одной стороны, но и литературный язык в его стандартизированной форме и просторечие, с другой.

Свобода выбора и соединения разнородных языковых средств – вопрос первостепенной важности как в поэзии, так и в общественном пространстве. Франкофоны Квебека остро ощущают, что языковой стандарт Франции и международный стандарт французского языка далеко не в полной мере выражают их культурную самобытность. Вместе с тем в период Тихой революции присутствовало понимание, что и просторечие в его местной форме не может полно отразить целый народ, его культуру, жизнь. Такой ограниченный «язык», основанный на просторечии, способен также изолировать франкофонов Квебека от остального франкофонного мира. В силу этого связь между литературной формой языка и просторечием в Квебеке приобретает особую остроту и значимость: перед поэтами стояла сложная задача создать новую литературную культуру, которая не сопрягалась бы с языковыми средствами внешней нормы (воспринимаемой часто как признак элитарности), но и не утопала в стихии народного, просторечного языка, изобилующего заимствованиями из английского. Поэзия и поэтические спектакли-представления становятся в связи со сказанным ведущим живым «языком общения», речевым жанром, позволяющим представить самые разные «голоса» жителей этой провинции.

Разноречие в поэтической среде проявляется, прежде всего, в том, насколько квебекские поэты используют этот народный язык и народную культуру. Если некоторые стремятся громко заявить о нем в своих произведениях (например, Мишель Лалонд или Жеральд Годен), то другие, напротив, не используют народный язык в своих поэтических произведениях. Это относится, в частности, к более традиционным поэтам, у которых концепция поэзии более соответствует столичным практикам (например, Жан-Ги Пилон). Наконец, многие поэты используют в своих произведениях народный язык, придавая ему определенное благородство, не уступающее литературному языку (это касается, например, многих произведений Гастона Мирона). И независимо от того, насколько народный язык используется поэтами в их произведениях, все они сталкиваются с необходимостью учета разнообразия ожиданий общества.

В социокультурной истории Квебека поэзия позволяет также установить связь между более ранними эстетическими темами (регионализмом, глобальным отрицанием) и новым поколением авторов 1970-х годов.

Среди авторов, которые участвовали в утверждении новых литературных форм и тем в литературе Квебека, укажем имена двух поэтов: Алена Грандбуа (Grandbois, Alain) (1900–1975) и Поля-Мари Лапуанта (Lapointe, Paul-Marie) (1929–2011). Они являются предшественниками поэзии Тихой революции, вызвавшей тогда к жизни невероятно активное поэтическое творчество в провинции. Современное звучание этих поэтов основано на их способности интегрировать социальные темы, темы братства, всеобщей ответственности и др.

Так, *тема страны*, обнаруживает в их творчестве новое прочтение: поэты обращаются к более широкому, нежели понятие страны, пространству. Например, у А. Грандбуа в «Ночных островах» (1944) пространство одновременно вызывает осязаемую географическую реальность, но вместе с тем характеризуется и нечеткостью, размытостью, что придает ему символическое значение [Dumont, 1999]. Само название сборника напоминает о стихиях природы, преображаемых процессом поэтического повествования. Поэт пишет свободным стихом, предлагая новую версификацию, соответствующую постоянно меняющемуся ритму. Его поэзию отличает сочетание традиционного языкового регистра и сильных образов, призванных удивить и сломать логику языка (один из компонентов сюрреалистической поэтической эстетики начала XX в.). Здесь все еще можно увидеть влияние религиозного слова. Однако теперь это вселенская молитва, направленная к сокровенному пространству личности, в ее внутренний мир. К географической и физической реальности описываемого пространства добавляется его символическая ценность, которая призвана отвлечь от частного, чтобы увести ко всеобщему. *Понятие всеобщего* становится отныне одним из центральных элементов новой квебекской поэзии Тихой революции [Biron et al., 2010].

Сюрреалистическая эстетика, которую приписывают Грандбуа, еще более ярко проявляется в творчестве Поля Мари Лапуанта и, в частности, в его первом сборнике «Сожженная девственница», определяемом новаторским характером письма, игрой образов и смыслов. Типичные образы канадского пространства (хижины, реки, снега, озера и т.д.), трансформируются поэтом благодаря игре удивительных ассоциаций. В его стихах мы находим принцип автоматического письма, который объединяет разрозненные элементы, чтобы создать неожиданные образы и формы. Понятие бессознательного, на котором основаны инновации сюрреалистов, используется поэтом заново, приводя его к особой поэтической прозе.

Произведения Поля-Мари Лапуанта и Алена Грандбуа способствовали формально-содержательному обновлению квебекской поэзии и определили вектор развития поэзии Тихой революции. Вместе с тем они остаются отмеченными в квебекской литературе относительной изоляцией, критики характеризуют их произведения как «произведения одиночества» [Maugey, 1972]. Это выражение очень хорошо указывает на преобладающее различие между поэтическими начинаниями отдельных поэтов в 1950-е годы и теми, которые характеризуют 1960-е и особенно 1970-е годы, в которых *понятие субъекта* становится определяющим.

Действительно, поэты периода Тихой революции выдвигали понятие субъекта на первый план и придавали личному воображению новое значение, которое явно расходится с поэзией предыдущих периодов. Если поэтическое творчество Грандбуа и Лапуанта повлияло на авторов, последовавших за ними, то именно потому, что оно содержало этот заявленный субъект. Говорить «я» в квебекской поэзии до середины XX в. было непростым делом. Именно из этого «я» возникнет впоследствии и известное «мы» как признак обретенной и осознанной идентичности. Новаторские голоса этих поэтов послевоенного периода вернули «я» в центр поэтического письма.

Поэты Тихой революции заменяют одиночество предыдущих поколений поэтов коллективным «мы». Аксель Може, говоря о поэзии Квебека 1960–1970 годов, указывает на этот переход и вводит понятие «команда», которым он заменяет понятие «поколение» [Maugey, 1989]. Это терминологическое различие подчеркивает смену эстетической концепции поэзии времен революции: это не концепция отдельного творческого индивида, а группы, команды; она отсылает к коллективному измерению творчества, допускающего неисчерпаемое множество эстетических вариаций и перестановок. Открытое в 1953 г. Гастоном Мироном и пятью его друзьями издательство *Hexagone* позволило объединить и распространить творчество многих молодых поэтов, которые через свое индивидуальное творчество разделяли общие устремления, убеждения и определенные представления о поэзии эпохи Тихой революции. *Hexagone*, наряду

с другими журналами своего времени, являлся одним из основных органов распространения печатных поэтических произведений этого времени.

5.2. Коллективность визуальной поэзии

Новые публичные визуальные формы представления поэзии – спектакль-перформанс и телевизионный спектакль – обретают новое измерение – коллективность. Они знаменуют собой поворотный момент в квебекской литературной практике и начало новой, коллективной поэтической эры.

Это хорошо видно на примере «Поэтических ночей» (праздники поэзии, устраиваемые один раз в десятилетие), традиции, которая берет свое начало в вечере поэзии 1970 г. [Dumont, 1999]. Отметим, что если раньше это искусство ориентировалось на его знатоков, то начиная с 1960-х годов поэзия Квебека ставит перед собой новую сверхзадачу – *говорить со всеми*. Из ограниченной формалистической практики в сочетании с внутренним, индивидуальным самовыражением поэзия переходит в жанр универсального назначения.

В связи с «Ночами поэзии» важно отметить, что помимо тематических и формальных инноваций в 1960–1970-е годы XX столетия поэты провинции стремятся обновить также и функции поэзии в обществе. Поэтический спектакль «Ночь поэзии» является ярким примером этого поиска, поскольку в поэзии отводится в ней новое место. Его формат позволяет представить поэта публике без посредников; субъект-поэт и субъект-зритель остаются один на один. Поэт обретает своего реального адресата. Открыто предлагаемая всем, «на площади», («*Sur la place publique*» – так называется известное стихотворение Гастона Мирона), как в средневековой народной культуре, поэзия подразумевает иные функции поэта в обществе: он должен обращаться ко всем и каждому и действовать в интересах общества, не ограничивая стихотворение своим индивидуальным пространством. В конкретном контексте эпохи Тихой революции обращение к коллективному «мы», безусловно, свидетельствовало о внимании квебекских поэтов к глубоко социальному измерению поэзии. Вместе с тем коллективная поэзия не отменяет безвозвратно «я». В контексте становления квебекской идентичности «мы» не может возникнуть без «я», характерного для лирического героя квебекской поэзии начала и середины XX в. Исследования поэзии Квебека через ее живое выражение показывают, что литературные факты входят составной частью в квебекскую идентичность и помогают ей утверждаться на канадской, североамериканской и международной арене.

6. Заключение

Соединение проблематики франкоязычной литературы в Канаде с проблемой ее идентичности, их прочная связь с устностью речи не имеет аналогов в других национальных литературах. Устная речь Квебека опирается на определенную литературную традицию, социокультурное и историческое наследие. В контексте квебекской поэзии устная речь развивает актуальные современные темы, позволяющие ей публично заявить о себе. Напряженная связь между языком и обществом, традицией и новизной, языковой нормой и ее нарушением, правилом и свободой, культурой письма и устным измерением произведения – одна из самых примечательных характеристик литературы Квебека на протяжении ее истории.

Литература

- Бахтин М.М.* (1979) Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 423 с.
- Булгаков С.Н.* Философия имени. Режим доступа: [https://azbyka.ru/otechnik/ Sergij_Bulgakov/filosofija-imeni/](https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/filosofija-imeni/). Дата обращения: 10.11.2023.
- Вейдле, В.В.* (2002). Эмбриология поэзии: Статьи по поэтике и теории искусства. М.: Языки славянской культуры. 456 с.
- Клоков В.Т.* (2005) Французский язык в Северной Америке. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 400 с.
- Разумова Л.В., Кряжева Н.* (2010) О роли языка в процессе социокультурной идентификации говорящего // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 49. № 34. С. 99–105.
- Andrès, B.* (2007) *La conquête des lettres au Québec (1759–1799)*. Québec: Presses de l'Université Laval. 740 p.
- Barbaud, P.* (1984) *Le choc des patois en Nouvelle-France: Essai sur l'histoire de la francisation au Canada*. Montréal: Presses de l'université du Québec. 204 p.
- Beauchemin, Y.* (1974) *L'Enfirouapé*. Montréal: La Presse. 257 p.
- Beaudoin, R.* (1989) *Naissance d'une littérature: Essai sur le mécanisme et les débuts de la littérature canadienne française (1850–1890)*. Montréal: Boréal Express. 211 p.
- Beniamino, M., Gauvin, L.* (2005) *Vocabulaire des études francophones: Concepts de base*. Limoges: PUL. 210 p.
- Biron, M., Dumont, F., Nardout-Lafarge, É.* (2010) *L'Histoire de la littérature québécoise*. Montréal: Boréal. 684 p.
- Casgrain, H.-R.* (1866) *Le mouvement littéraire en Canada: Le Foyer canadien*. T. IV. Pp. 90, 91.
- Dion, L.* (1998) *La révolution dérouterée 1960–1976*. Montréal: Boréal. 324 p.
- Dragnat, M.* (2006) *Michel Tremblay. Le «joual» dans Les Belles-soeurs*. Paris: L'Harmattan. 221 p.
- Dumont, F.* (1999) *La Poésie québécoise*. Montréal: Boréal. 127 p.
- Gagnon, F.-M.* (1977) *Refus Global, projections libérantes*. Montréal: Parti pris. 153 p.
- Gauvin, L.* (2000) *Langagement, l'écrivain et la langue au Québec*. Montréal: Boréal. 254 p.
- Godin, G.* (1971) *Les Cantouques*. Montréal: Parti pris. 52 p.
- Hare, J.E.* (1971) *Contes et nouvelles du Canada français. 1778–1859*. Ottawa: Editions de l'Université d'Ottawa. Vol.1. 192 p.
- Lalonde, M.* (1974) *Speak White // L'Hexagone*. Montréal: L'appel des mots. Pp. 1–4.
- Lemire, M.* (2007) *Le mouvement régionaliste dans la littérature québécoise (1920–1940)*. Montréal: Nota bene. 305 p.
- Maugey, A.* (1972) *Les Poètes de la solitude. Poésie et société au Québec (1937–1970)*. Québec: Les Presses de l'Université Laval. 290 p.

- Maugey, A.* (1989) *La poésie moderne québécoise*. Montréal: Humanitas-nouvelle optique. 280 p.
- Miron, G.* (1996) *L'Homme Rapaillé*. Montréal: Typo. 260 p.
- Miron, G., Gauvin, L.* (1999) *Écrivains contemporains du Québec: Anthologie*. Montréal: Hexagone Typo. 595 p.
- Renaud, J.* (1978) *Le Cassé, suivi du journal du cassé et autres nouvelles*. Montréal: Parti Pris. 198 p.
- Taché, J.-C.* (1871) *Trois légends de mon pays ou l'Évangile ignore, l'Évangile prêché, l'Évangile accepté*. Available at: <https://numerique.banq.qc.ca/patrimoine/details/52327/2021896?docref=z1wWK4Ye2SNr5klghX2tpA>. Access date: 15.12.2023.
- Tremblay, M.-A.* (1983) *L'identité québécoise en peril*. Sainte-Foy: Les Editions Saint-Yves. 289 p.
- Tremblay, M.* (2005) *Les Belles-Soeurs*. Montréal: Léméac. 151 p.
- Vallières, P.* (1968) *Nègres blancs d'Amérique*. Montréal: Parti pris. 472 p.
- Zumthor, P.* (1983) *Introduction à la poésie orale*. Paris: Seuil. 307 p.

References

- Bahtin, M.M.* (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]*. M.: Iskusstvo. (In Russ.)
- Bulgakov, S.N.* *Filosofiya imeni [The philosophy of the name]*. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/filosofija-imeni/. Access date: 10.11.2023.
- Vejdle, V.V.* (2002) *Embriologiya poezii: Stat'i po poetike i teorii iskusstva [The embryology of poetry: Articles on poetics and art theory]*. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury. 456 p. (In Russ.)
- Klokov, V.T.* (2005) *Francuzskij yazyk v Severnoj Amerike [French in North America]*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta. 400 p. (In Russ.)
- Razumova, L.V., Kryazheva N.* (2010) *O roli yazyka v processe sociokul'turnoj identifikacii govoryashchego [On the role of language in the process of socio-cultural identification of the speaker] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 49. No. 34. Pp. 99–105.* (In Russ.)
- Andrès, B.* (2007) *La conquête des lettres au Québec [The conquest of letters in Quebec] (1759–1799)*. Québec: Presses de l'Université Laval. 740 p. (In French)
- Barbaud, P.* (1984) *Le choc des patois en Nouvelle-France: Essai sur l'histoire de la francisation au Canada [The clash of patois in New France: Essay on the history of francization in Canada]*. Montréal: Presses de l'université du Québec. 204 p. (In French)
- Beauchemin, Y.* (1974) *L'Enfirouapé*. Montréal: La Presse. 257 p. (In French)
- Beaudoin, R.* (1989) *Naissance d'une littérature: Essai sur le mécanisme et les débuts de la littérature canadienne française [Birth of a Literature: Essay on the Mechanism and Beginnings of French-Canadian Literature] (1850–1890)*. Montréal: Boréal Express. 211 p. (In French)
- Beniamino, M., Gauvin, L.* (2005) *Vocabulaire des études francophones: Concepts de base [Vocabulary of French Studies: Basic Concepts]*. Limoges: PUL. 210 p. (In French)
- Biron, M., Dumont, F., Nardout-Lafarge, É.* (2010) *L'Histoire de la littérature québécoise [The History of Quebec Literature]*. Montréal: Boréal. 684 p. (In French)
- Casgrain, H.-R.* (1866) *Le mouvement littéraire en Canada: Le Foyer canadien [The Literary Movement in Canada: The Canadian Home]*. Vol. IV. Pp. 90–91.
- Dion, L.* (1998) *La révolution déroutée [The revolution routed] 1960–1976*. Montréal: Boréal. 324 p. (In French)
- Dragnat, M.* (2006) *Michel Tremblay: Le « joual » dans Les Belles-soeurs [Michel Tremblay: The “joyal” in The Sisters-in-Law]*. Paris: L'Harmattan. 221 p. (In French)
- Dumont, F.* (1999) *La Poésie québécoise [Quebec Poetry]*. Montréal: Boréal. 127 p. (In French)
- Gagnon, F.-M.* (1977) *Refus Global, projections libérantes*. Montréal: Parti pris. 153 p. (In French)
- Gauvin, L.* (2000) *Langagement, l'écrivain et la langue au Québec [Language, the writer and language in Quebec]*. Montréal: Boréal. 254 p. (In French)
- Godin, G.* (1971) *Les Cantouques [The Cantouks]*. Montréal: Parti pris. 52 p. (In French)

- Hare, J.E.* (1971) Contes et nouvelles du Canada français [Tales and news from French Canada]: 1778-1859. Ottawa: Editions de l'Université d'Ottawa. Vol.1. 192 p. (In French)
- Lalonde, M.* (1974) Speak White // L'Hexagone. Montréal: L'appel des mots. Pp. 1-4. (In French)
- Lemire, M.* (2007) Le mouvement régionaliste dans la littérature québécoise [The regionalist movement in Quebec literature] (1920-1940). Montréal: Nota bene. 305 p. (In French)
- Maugey, A.* (1972) Les Poètes de la solitude. Poésie et société au Québec (1937-1970). Québec: Les Presses de l'Université Laval. 290 p. (In French)
- Maugey, A.* (1989) La poésie moderne québécoise [Modern Quebec poetry]. Montréal: Humanitas-nouvelle optique. 280 p. (In French)
- Miron, G.* (1996) L'Homme Rapaillé [The Shaved Man]. Montréal: Typo. 260 p. (In French)
- Miron, G., Gauvin, L.* (1999) Écrivains contemporains du Québec: Anthologie [Contemporary Writers of Quebec: Anthology]. Montréal: Hexagone Typo. 595 p. (In French)
- Renaud, J.* (1978) Le Cassé, suivi du journal du cassé et autres nouvelles [The Broken, followed by the Broken Journal and other news]. Montréal: Parti Pris. 198 p. (In French)
- Taché, J-C.* (1871) Trois légendes de mon pays ou l'Évangile ignore, l'Évangile prêché, l'Évangile accepté [Three legends of my country where the Gospel is ignored, the Gospel is preached, the Gospel is accepted]. Available at: <https://numerique.banq.qc.ca/patrimoine/details/52327/2021896?docref=z1wWK4Ye2SNr5klghX2tpA>. Access date: 15.12.2023. (In French)
- Tremblay, M.-A.* (1983) L'identité québécoise en peril [Quebec identity in danger]. Sainte-Foy: Les Editions Saint-Yves. 289 p.
- Tremblay, M.* (2005) Les Belles-Sœurs [The Sisters-in-law]. Montréal: Léméac. 151 p. (In French)
- Vallières, P.* (1968) Nègres blancs d'Amérique [White Negroes of America]. Montréal: Parti pris. 472 p. (In French)
- Zumthor, P.* (1983) Introduction à la poésie orale [Introduction to oral poetry]. Paris: Seuil. 307 p. (In French)

Разумова Лина Васильевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры европейских языков Российского государственного гуманитарного университета

<https://orcid.org/0000-0001-5225-0413>

Адрес: 125047, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, д.6,

Эл. адрес: lina.razumova@mail.ru

Кряжева Надежда И. – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой славянских языков, университет Клермон Овернь, Лаборатория лингвистических исследований LRL EA999, Франция

<https://orcid.org/0009-0007-9261-4681>

Адрес: 63001, Клермон-Ферран Цедекс-1, Франция, Департамент славистики, UFR Языки, культуры и коммуникации, Авеню Карно – TSA 60401.

Эл. адрес: nadejda.kriajeva@uca.fr

Razumova Lina Vasilievna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of European Languages, Russian State University for the Humanities

<https://orcid.org/0000-0001-5225-0413>

Address: Miusskaya sq. 6, Moscow, Russian Federation, 125047

E-mail address: lina.razumova@mail.ru



Kriajeva Nadia I. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Slavic Languages, University of Auvergne, LRL Laboratory for Language Research, EA999, France

<https://orcid.org/0009-0007-9261-4681>

Address: Slavonic Studies Department, Languages, Cultures and Communication UFR, 34 Avenue Carnot, Clermont-Ferrand Cedex-1, TSA 60401 63001

E-mail address: nadejda.kriajeva@uca.fr

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования: *Разумова Л.В., Кряжева Н.И.* Устная речь как маркер Квебекской идентичности // Социолингвистика. 2024. № 3 (19). С. 97–117. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-97-117

For citation: *Razumova, L.V., Kriajeva, N.I.* Oral speech as a marker of Quebec identity // Sociolinguistika. / 2024. No. 3 (19). Pp. 97–117. DOI: 10.37892/2713-2951-3-19-97-117 (In Russ.)

The article was submitted 05.03.2024;
approved after reviewing 15.06.2024;
accepted for publication 11.09.2024.